

**ПОСТОЯННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПРИ ОТДЕЛЕНИИ ООН И ДРУГИХ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ
В ЖЕНЕВЕ**

PERMANENT MISSION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
TO THE UNITED NATIONS OFFICE AND
OTHER INTERNATIONAL ORGANIZATIONS
IN GENEVA

№ 2075

The Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations Office and other International Organizations in Geneva presents its compliments to the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights and in addition to its Note Verbale №1548 of 27 April 2023 and with reference to the concluding observations adopted by the Committee on the Elimination of Racial Discrimination following the consideration of the combined 25th and 26th periodic reports of the Russian Federation on the implementation of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination in the course of the 109th session of the Committee (CERD/C/RUS/CO/15-26) has the honour to transmit herewith the Position of the Russian Federation on the abovementioned concluding observations, as well as the Declaration of the Delegation of the Russian Federation at the 109th Session of the Committee announced on 13 April 2023.

OFFICE OF THE UNITED NATIONS
HIGH COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS

Geneva

The Permanent Mission requests that the aforementioned Declaration and Position of the Russian Federation be made available on the relevant section of the OHCHR website.

The Permanent Mission avails itself of this opportunity to renew to the Office the assurances of its highest consideration. aa

Annex: HP

Geneva, «01» June 2023

**Declaration of the Delegation of the Russian Federation
at the 109th Session of the Committee on Elimination of Racial Discrimination
(13 April 2023)**

The Delegation of the Russian Federation respectfully brings to the attention of the Committee that matters raised in para. 20 of the Concluding observations of the Committee adopted at its 93rd session, held in August 2017, following the consideration of the Russian Federation's combined 23rd and 24th periodic reports, as well as matters raised in paras. 3, 8, 9, 12, 16 and 17 of the List of Themes for discussion at the present Session, inasmuch as they concern the situation in Crimea, are inappropriate for consideration by the Committee at the present Session for the following reasons.

1. The same matters are currently pending before the International Court of Justice, and cannot therefore be examined by the Committee, at least until the Court proceedings are finalised

The rule prohibiting duplication of procedures is aimed at preventing a plurality of international proceedings relating to the same matters. Both its legal status and its practical significance are clear, including among UN human rights treaty bodies,¹ regardless of their non-judicial nature and the non-binding character of their decisions. For example, according to the Fact Sheet on individual complaint procedures issued by the UN Office of the High Commissioner on Human Rights, which covers all "core" UN human rights treaties, including the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination:

"Before a committee can consider a complaint on its merits or substance, it must be satisfied that the formal requirements of admissibility are met. When examining admissibility, it may consider one or several of the following factors:

[...]

Has the same matter been submitted to another international body? If it has been submitted to another treaty body or to a regional mechanism, such as the Inter-American Commission on Human Rights, the Inter-American Court of Human Rights, the European Court of Human Rights, the African Commission on Human and Peoples' Rights or the African Court on Human and Peoples' Rights, the committees cannot examine the complaint. This rule aims to prevent unnecessary duplication at the international level."

The practical significance of this rule was well illustrated by the remark of the Rapporteur, Mr Payandeh, made at yesterday's session, that in his view, "*the task of the Committee*" is to evaluate "*the state party's compliance with its obligations under the Convention*". Regardless of actual legal basis for this view (which, in the opinion of the Russian Federation, is far from certain, as the Committee is not tasked by the Convention to issue rulings on violations of the Convention, but merely to make suggestions and recommendations of a general character), it is nevertheless demonstrative of the manifest and direct intersection between the perceived purview of the Committee and the competence of the International Court of Justice when the latter is seised of a case concerning the same State Party's compliance with the same obligations under the same Convention in respect of the same (alleged) factual circumstances.

At the moment, several issues mentioned in the List of Themes suggested for discussion at the present Session of the Committee are pending before the International Court of Justice in the case *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination* (Ukraine v. Russian Federation). Hearings on the merits of this case are scheduled for June 2023. Even though Russia suggested to settle the matter in CERD, the Court considered that it would not be reasonable to engage a CERD procedure and instead took the case into its own jurisdiction.

It would be manifestly inappropriate for the Committee to engage in consideration of these issues, at least until the International Court of Justice finalises its proceedings on the same subject-matter and issues its

---

¹See, for example: Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights (1966), Article 5.2.a; Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (1987), Article 22.5.a; Optional Protocol to the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (2000), Article 4.2.a; Optional Protocol to the Convention on the Rights of Persons with Disabilities (2006), Article 2.c.

judgment. International comity and the need for uniform interpretation of the Convention lend support to this approach as well.

2. The issues have not been the subject of constructive dialogue between members of the Committee and the delegation of Russian Federation

The principle of constructive dialogue, according to which recommendations are confined to matters brought up in the Committee's dialogue with the State Party, is central to the CERD reporting procedure under Article 9. Regrettably, this principle was not followed with regard to issues first reflected in para. 20 of the Concluding observations of the Committee adopted at its 93rd session, held in August 2017, following the consideration of the Russian Federation's combined 23rd and 24th periodic reports. The principle is now once again being infringed by the List of Themes suggested for discussion at the present Session.

Specifically, in 2017 the List of Themes for discussion only contained a request for "information on the impact of the conflict between the State party and Ukraine on the enjoyment of the Convention rights by ethnic minorities and indigenous peoples, including the Crimean Tatars, living in the Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol", without indication of any actual violation of the Convention taking place. During the discussion at the Committee, this issue was not raised, and no questions were posed to the Russian Delegation either by the Rapporteur or by members of the Committee. The inclusion of para.20 in the Concluding observations was therefore uncalled for and wholly unsubstantiated, contrary to the Rules of Procedure and Working Methods of the Committee, and fundamentally contrary to the aforementioned principle of constructive dialogue.

Even so, para. 20 of the the Concluding observations was limited to a recommendation that the Russian Federation "investigate the *allegations* of violations of human rights of the Crimean Tatars" and "repeal any measures... that have the purpose or effect of discriminating against ethnic groups". The Committee did not indicate that such allegations were true or that discriminatory measures existed in reality.

The current List of Themes, however, in its para. 12 and elsewhere, is formulated in a presumptive manner that seems to take for granted the truthfulness of such allegations and the actual existence of such discriminatory measures. This, again, is wholly without basis and does not stem even from the Committee's improper observations made in 2017.

The Russian Federation remains committed to fulfilling its obligations under the Convention and following the reporting procedure, so long as it is conducted in accordance with the principles of objectivity, equality, and fairness. The Russian Federation would therefore be willing to continue discussion of these matters with the Committee after the International Court of Justice concludes its proceedings concerning the implementation of the Convention by the Russian Federation with respect to Crimea.

Позиция Российской Федерации в отношении заключительных замечаний Комитета по ликвидации расовой дискриминации по итогам рассмотрения 12-13 апреля 2023 года объединенных 25-го и 26-го периодических докладов Российской Федерации о выполнении положений упомянутой Конвенции (CERD/C/RUS/CO/15-26)

Российская Федерация хотела бы довести свою позицию в отношении заключительных замечаний Комитета по ликвидации расовой дискриминации (КЛРД), принятых по итогам рассмотрения 12-13 апреля 2023 года объединенных 25-го и 26-го периодических докладов Российской Федерации о выполнении положений Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (МКЛРД).

К сожалению, данный документ носит политизированный и предвзятый характер, что свидетельствует о незаинтересованности Комитета в конструктивном диалоге с Россией. Заключительные замечания наглядно демонстрируют однобокий и субъективный подход членов Комитета при оценке представленной государством информации, не основанный на реальных положениях МКЛРД.

«Рекомендации» Комитета, адресованные Российской Федерации, не базируются на объективных фактах, подтверждённых надёжными и проверенными источниками. Вместо этого Комитет ссылается на некие «доклады», содержание которых неизвестно Российской Федерации и не обсуждалось в ходе диалога в Комитете. Невзирая на неоднократные обращения российской стороны, эти доклады так и не были представлены для изучения. Соответственно, они не могут рассматриваться как надлежащая основа для каких-либо выводов, и тем более «рекомендаций».

Более того, отдельные «рекомендации» указывают на выход членов Комитета за пределы возложенных на них полномочий или непонимание ими своих обязанностей, а также на нежелание вникать в реальное положение дел в России и невосприимчивость к данным российской делегацией разъяснениям.

1. Содержащееся в пункте 2 заключительных замечаний утверждение о том, что делегация Российской Федерации якобы отказалась обсуждать ситуацию в Крыму и городе Севастополе и отвечать на связанные с этим вопросы, не соответствует действительности.

В ходе диалога российской делегацией было подчеркнуто, что российская сторона готова обсуждать указанную тематику и отвечать на соответствующие вопросы. Возражение российской стороны касалось преждевременности такой дискуссии до вынесения по данной тематике решения Международного Суда ООН, на рассмотрении которого в настоящее время находится соответствующее дело по Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (МКЛРД). Российская Федерация заявила о готовности к проведению диалога после того, как Международный Суд вынесет свое решение (пункты 37 и 59 краткого отчета (summary record) CERD/C/SR.2960) и подтвердила приверженность конструктивному диалогу (пункт 59 краткого отчета (summary record) CERD/C/SR.2960). К сожалению, эта позиция не нашла отражения в предложениях и общих рекомендациях Комитета, что заставляет усомниться в добросовестности Комитета и его готовности к конструктивному диалогу.

Более того, вышеупомянутые вопросы вообще не могли быть предметом рекомендаций Комитета, поскольку в отношении них не проводилось конструктивного диалога между членами Комитета и делегацией Российской Федерации. Это представляется нарушением основополагающего принципа функционирования данного договорного органа ООН. Согласно указанному принципу рекомендации Комитета ограничиваются вопросами, поднятыми в ходе диалога с государством-участником. Такой диалог имеет решающее значение в процедуре представления докладов в соответствии со статьей 9 МКЛРД. К сожалению, этот принцип не был соблюден в отношении вопросов, впервые отраженных в пункте 20 Заключительных замечаний Комитета, принятых на его 93-й сессии, состоявшейся в августе 2017 г. после рассмотрения объединенных 23-

го и 24-го периодических докладов Российской Федерации. В рассматриваемых заключительных замечаниях этот принцип вновь нарушается.

При этом Российская Федерация по-прежнему привержена выполнению своих обязательств по Конвенции и соблюдению процедуры представления докладов, если такая процедура осуществляется в соответствии с принципами объективности, равенства и справедливости. Поэтому Российская Федерация вновь подтверждает готовность продолжить обсуждение этих вопросов с Комитетом после того, как Международный Суд завершит свое разбирательство по данным вопросам.

В этой связи Российской Федерацией была распространена соответствующая декларация от 13 апреля 2023 г. (Декларация, приложение № 1 к настоящим замечаниям). Ее положения подробно обосновывают позицию российской стороны по данному вопросу.

2. Российская Федерация категорически отвергает формулировку в пункте 4 заключительных замечаний о том, что 24 февраля 2022 г. российской стороной якобы был «инициирован вооруженный конфликт на Украине». Такая интерпретация событий в корне противоречит действительности.

Как известно, в 2014 г. в результате антиконституционного государственного переворота, поддержанного странами Запада, власть на Украине захватил неонацистский и русофобский режим. Население юго-восточных областей страны, в основном русское и русскоязычное, не согласившееся с переворотом, стало мишенью для жестокого подавления со стороны этого нелегитимного режима. Против жителей Донбасса, самоорганизовавшихся в Донецкую Народную Республику (ДНР) и Луганскую Народную Республику (ЛНР), киевский режим развязал войну – внутренний вооруженный конфликт, тянувшийся с 2014 г. За восемь лет этого кровопролитного конфликта погибли тысячи гражданских лиц, а миллионы стали беженцами и вынужденными переселенцами.

Все эти годы киевский режим совершал чудовищные преступления против народа Донбасса, не прекращая убийства гражданских лиц и целенаправленное разрушение объектов критической гражданской инфраструктуры. При циничном попустительстве западных стран Киев откровенно нарушал одобренный Советом Безопасности ООН Комплекс мер по выполнению Минских соглашений от 12 февраля 2015 г. (Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/2202), целью которого являлось мирное урегулирование данного конфликта. По публичному признанию бывших лидеров Франции, ФРГ и Украины Ф.Олланда, А.Меркель и П.Порошенко, Минские соглашения заключались и гарантировались их странами исключительно с целью выиграть время для того, чтобы Украина нарастила военную мощь и осуществила силовое решение донбасского конфликта.

В этих условиях реализация народом Донбасса права на самоопределение была невозможна иначе, как путем отстаивания своей независимости и обороны от вооруженного нападения войск Украины.

На фоне обострения киевским режимом ситуации в отношениях с народными республиками Донбасса и в целях самообороны, а также в соответствии с просьбами правительств этих республик Российской Федерацией было принято решение о проведении специальной военной операции (СВО) на основании статьи 51 главы 7 Устава ООН и во исполнение договоров о дружбе и взаимопомощи с ДНР и ЛНР. Соответствующее письмо от 24 февраля 2022 г. S/2022/154 Российской Федерацией направлялось Генеральному секретарю ООН в установленном порядке и сопровождалось текстом обращения Президента Российской Федерации с обоснованием необходимости принятия решения об СВО.

Таким образом, во-первых, конфликт в Донбассе был развязан украинскими властями в 2014 г.; во-вторых, проведение СВО осуществляется в рамках права на индивидуальную и коллективную самооборону.

Российская Федерация категорически отвергает формулировку заголовка к пункту 22 заключительных замечаний в части якобы

«оккупированных территорий». Такая интерпретация положения дел не соответствует действительности.

В 2014 г. в Крыму по результатам свободного волеизъявления его народов в ходе референдума и в соответствии с практикой Международного Суда ООН (заключение от 22 июня 2010 г. о соответствии международному праву одностороннего провозглашения независимости в отношении Косово) была принята Декларация о независимости Крыма и города Севастополя.

В соответствии с Договором между Российской Федерацией и Республикой Крым от 18 марта 2014 г. Республика Крым и г.Севастополь вошли в состав Российской Федерации.

В ходе заседания Комитета российской делегацией отмечалось, что Российская Федерация привержена соблюдению своих международных обязательств на всей своей территории, в том числе в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе. Миссии международных организаций могут посещать Республику Крым при условии, что они будут соблюдать процедуры, применимые к посещению Российской Федерации (пункт 37 краткого отчета (summary record) CERD/C/SR.2960). К сожалению, такая позиция не только была проигнорирована Комитетом, но и не нашла отображения в тексте его Замечаний.

В рассматриваемом пункте Комитет также заявляет, что ограничения ввиду дублирования рассмотрения одного и того же вопроса (*lis pendens*) распространяется только на сообщения от отдельных лиц и групп, что якобы выражает устоявшуюся практику других договорных органов ООН. Российская Федерация считает такое заявление выходящим за пределы полномочий КЛРД, предусмотренных положениями Конвенции, так как ее нормы не наделяют Комитет правом толковать общую практику договорных органов ООН. Вышеуказанный принцип имеет универсальный характер, и одинаково применим ко всем рекомендательным решениям конвенционных органов. Иное толкование означало бы неоправданное ограничение сферы действия этого принципа, что подорвало бы его значение и ценность. Более подробно соответствующая аргументация изложена в письменной

Декларации, распространённой российской делегацией на заседании Комитета и приложенной к настоящим Замечаниям.

3. Российская Федерация отвергает использование в пункте 23 заключительных замечаний формулировки о том, что ее делегация якобы отказалась предоставлять информацию Комитету в рамках диалога, так как это некорректно отображает ее позицию. В дополнение к вышеупомянутому обоснованию подхода Российской Федерации представляется необходимым отметить, что он полностью соответствует требованиям и духу Регламента Международного Суда ООН (статья 53). Данная норма предусматривает ограничение публичного доступа к состязательным документам и приложениям к ним до начала устных слушаний. Решение о таком доступе принимается Международным Судом ООН. В отсутствие соответствующего судебного решения комплексное обсуждение вопросов, обозначенных Комитетом, вело бы к нарушению вышеупомянутого правила.

В этой связи предоставление информации в отношении тем отчетов, указанных в подпунктах (a), (b), (c), (d) и (e), содержание которых Российской Федерации не было раскрыто, представляло потенциальную опасность для соблюдения процедуры, установленной в Международном Суде ООН.

Принимая во внимание вышеупомянутые обстоятельства, явно свидетельствующие об искаженном изложении позиции Российской Федерации в отношении рассмотрения вопросов, указанных в пункте 24 заключительных замечаний, а также о преждевременности такого рассмотрения, Российская Федерация заявляет следующее.

«Рекомендации» Комитета по данным вопросам являются недопустимыми, так как, во-первых, фактического их обсуждения по существу не состоялось, а значит не было оснований для принятия таких «рекомендаций» согласно правилам процедуры работы КЛРД и ключевому принципу диалога между Комитетом и государством-участником МКЛРД. Во-вторых, такое обсуждение было бы априори преждевременным ввиду

ведущегося в Международном Суде разбирательства по тем же обстоятельствам, и не позволило бы Российской Федерации полноценно участвовать в диалоге ввиду запрета использования позиционных материалов, представленных российской стороной в Международный Суд.

Ввиду вышеописанных аргументов Российская Федерация категорически отвергает «рекомендации» по настоящему пункту и рассматривает их как безосновательные и фиктивные.

4. Примером ангажированного мышления экспертов КЛРД является содержащаяся в пунктах 10, 11, 18, 19, 20, 21 заключительных замечаний критика нормативного содержания российского законодательства. В частности, оценки и рекомендации в пунктах 10 и 11 наглядно показывают односторонность подхода членов Комитета, которые отказываются учитывать наличие различных правовых систем, навязывая, по их мнению, в качестве единственного верного решения практику, принятую в англосаксонской правовой семье. При формулировании пунктов 18-21 эксперты Комитета полностью проигнорировали развернутые пояснения, данные делегацией, в части, касающейся законной обязанности государства по регулированию различных сфер общества, в том числе деятельности организаций гражданского общества, а также по борьбе с проявлениями экстремизма. Это свидетельствует как об отсутствии у экспертов Комитета заинтересованности в истинно конструктивном диалоге с государством-участником, так и о его ангажированности, подыгрывании линии стран «коллективного Запада» на создание негативного образа Российской Федерации.

5. Упоминание в пунктах 16 (b) и 17 (b) заключительных замечаний т.н. «межсекторальной дискриминации», с акцентом на дискриминацию женщин и представителей сообщества «ЛГБТКИ+», является свидетельством выхода экспертами Комитета за рамки своих полномочий, а именно дублирования деятельности профильного договорного органа в области прав человека – Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин, а также

навязывания государству-участнику Конвенции расширительного толкования ее положений. Вопреки утверждениям экспертов Комитета понятие «межсекторальной дискриминации» не содержится в определении «расовой дискриминации», закрепленном в Конвенции, а действие МКЛРД не охватывает представителей «ЛГБТК+».

6. Многочисленные ссылки в пунктах 13, 15, 17, 26, 30, 34 и 39 заключительных замечаний на разработанные Комитетом замечания общего порядка, включая рекомендации по их осуществлению, являются неприемлемыми. Подобные документы, принимаемые договорными органами по правам человека, представляют собой лишь субъективное мнение экспертов. Они не могут налагать на государства-участники какие-либо обязательства в дополнение к взятым ими на себя при ратификации соответствующего международного договора или присоединении к нему, если только государство в добровольном порядке об этом не заявит.

7. Пункты 25, 27 и 29 заключительных замечаний являются очередным подтверждением тиражирования Комитетом оторванного от российской реальности обличительного нарратива вместо того, чтобы оценить, как в нашей стране с учетом национальных, культурных и исторических особенностей реализуются позитивные меры, направленные на защиту и поддержку коренных малочисленных народов и цыган. В частности, о предвзятости КЛРД, утверждающего в пункте 27 о якобы имевших место случаях межэтнических насильственных конфликтах, свидетельствует то, что в качестве подобных примеров эксперты смогли привести только инциденты в селе Чемодановка (Пензенская область) и поселке Усть-Абакан (Республика Хакасия) в 2019 г., которые произошли на бытовой почве и не имели под собой этнической составляющей.

8. Российская Федерация исходит из того, что заключительные замечания КЛРД должны основываться на состоявшемся между экспертами Комитета и делегацией диалоге и, следовательно, не могут включать в себя пассажи, которые не были предметом обсуждения в ходе рассмотрения

доклада. В частности, это касается пункта 38 замечаний о ратификации поправки к статье 8 (6) Конвенции.

9. Очередным примером выхода КЛРД за рамки своего мандата являются пункты 37 и 39, в которых эксперты Комитета призывают ратифицировать ряд международных конвенций, а также требуют предоставить информацию о мерах по выполнению Дурбанской декларации и Программы действий (ДДПД). В этой связи хотели бы указать, что КЛРД как договорный орган был учрежден для рассмотрения хода осуществления исключительно Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, к которой ДДПД отношения не имеет.

С учетом изложенного Российская Федерация заявляет, что не считает себя связанной обязательствами по выполнению рекомендаций Комитета, содержащихся в данных заключительных замечаниях.